

A person wearing a complex, metallic steampunk-style helmet with large circular lenses is seated at a cluttered desk in a dark, industrial environment. The person is looking at a small screen or device on the desk. The desk is covered with various tools, papers, and a lamp. In the background, a large window reveals a snowy, desolate landscape with bare trees and a large, dark, conical structure in the distance. The overall atmosphere is gritty and futuristic.

Сергей Патрушев

Рабская шестерёнка, или Свободный творец

Сергей Патрушев

**Рабская шестерёнка,
или Свободный творец**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Рабская шестерёнка, или Свободный творец / С. Патрушев —
«Автор», 2026

Ты просыпаешься в серой комнате. За окном — туман, в котором дышит кто-то чужой и голодный. Ты не помнишь, кто ты. Не помнишь, как здесь оказался. Ты получаешь записку: «Твоя смена начинается. Займи место». И ты садишься в кресло, надеваешь наушники и вдруг понимаешь — твоя работа состоит в том, чтобы вливать страх в сны ничего не подозревающих людей. Ты Оператор. Ты — винтик гигантской машины, питающейся человеческими кошмарами. Но внутри тебя ещё теплится вопрос, который страшнее самого Комплекса: ты согласен быть шестерёнкой или рискнёшь стать творцом? Эта книга — не просто история побега из ада. Это философский поединок с самим собой. Имеешь ли ты право на свободу, если когда-то сам подписал сделку с тьмой? Можно ли использовать технологию порабощения для исцеления? И что страшнее — умереть, разрушая систему, или жить, создавая новую?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Рабская шестерёнка, или Свободный творец

Глава 1. Запах гари на рассвете

Пробуждение было резким, как удар электрическим током, который прошивает тело от пяток до макушки, не оставляя после себя ничего, кроме звенящей пустоты и противного металлического привкуса во рту. Андрей распахнул глаза, но зрение не включилось мгновенно, как это бывает обычно, а словно нехотя проявилось, будто старая фотопленка, медленно наливающаяся серым цветом. Перед ним был потолок. Чужой, незнакомый потолок с длинной извилистой трещиной, которая напоминала русло высохшей реки на карте. Нужно было сделать вдох, но грудная клетка отказывалась подчиняться, сдавленная невидимым обручем страха, который поселился где-то под сердцем и теперь пульсировал там, мешая думать. Андрей не помнил, как здесь оказался. Это было самое страшное — не просто провал в памяти, а абсолютное, зияющее ничто на месте вчерашнего вечера, ночи и, возможно, даже части прошлой жизни.

Он попытался пошевелить рукой, и это получилось с трудом, словно конечности были налиты свинцом. Ладонь скользнула по холодной, влажной простыне. В нос ударил запах. Запах был вездесущим, он просачивался сквозь стены, сочился из каждой щели, плотный и липкий. Так пахнет старая одежда после пожара, который тушили несколько часов назад — смесь мокрой золы, тлеющей синтетики и чего-то неуловимо сладковатого, почти тошнотворного. Андрей сел на кровати. Движение отдалось тупой болью в висках. Комната была казенной, безликой, как больничная палата или дешёвый гостиничный номер, в котором никто не живет подолгу. Серые стены, выкрашенные масляной краской, окно без штор, за которым клубилась такая плотная белая мгла, что казалось, будто здание парит в невесомости, вырванное из контекста реальности. Напротив кровати стоял стол и стул. На столе — ничего. Ни пылинки, ни забытого чека, ни засохшей капли от чашки с кофе. Пустота, возведенная в абсолют.

Босые ноги коснулись деревянного пола. Доски были ледяными, но это помогло немного сфокусироваться. Он был одет в чужую одежду — простые темные брюки и серую футболку без каких-либо бирок. Ни карманов, ни документов, ни телефона. Только тело, которое казалось чужим, и сознание, запертое в черепной коробке, как птица в клетке. Андрей подошел к окну. Стекло было холодным настолько, что прикосновение обжигало. За ним не было ничего. Ни домов, ни деревьев, ни дороги. Только туман. Он не был похож на обычный утренний туман, который рассеивается с первыми лучами солнца. Это была плотная, почти материальная субстанция, она не текла и не двигалась, она стояла стеной. Вглядываясь в эту белесую муть, Андрей почувствовал странный импульс — ему показалось, что там, в глубине, что-то есть. Какое-то движение, медленное, тягучее, будто огромные тени бесшумно проплывали мимо, задевая друг друга боками. Это было невозможно разглядеть, скорее угадать на грани периферического зрения. Он отшатнулся от окна, сердце пропустило удар. Инстинкт самосохранения, древний и безошибочный, шепнул ему, что не нужно привлекать внимание того, что живет в тумане.

В углу комнаты он заметил дверь. Обычная, обитая дерматином, но без ручки с внутренней стороны. Лишь круглая замочная скважина зияла черной точкой. Он толкнул ее —

заперто. Это было ожидаемо, но от осознания заточения паника подкатила к горлу новой волной. Андрей прислонился лбом к дверному косяку. Дерево пахло формальдегидом. Ему нужно было вспомнить. Он закрыл глаза и попытался ухватиться за любой обрывок прошлого. Его зовут Андрей. Ему тридцать четыре года. Это он помнил твердо. Он помнил лицо матери, ее морщинки вокруг глаз, помнил вкус ее борща — кисловатый, с чесноком. Помнил, как менял масло в своей первой машине, старой «девятке», и обжегся о картер. Но чем ближе он пытался подобраться к вчерашнему дню, тем сильнее становилась пустота. Вчера был не просто день. Вчера была жизнь. Где он работал? В офисе? На заводе? Бумаги, цифры, строчки кода — ничего конкретного. Лица коллег, друзей — они ускользали, превращаясь в восковые маски, лишенные имен. Он попытался вызвать в памяти образ жены или девушки. В голове возникла лишь темная комната и чувство глухого раздражения, вины или тоски. Неужели он был совсем один? Пустота внутри разрасталась, и это было невыносимее, чем запертая дверь. У него украли не просто свободу, у него украли контекст, его выдернули из полотна судьбы, оставив зияющую дыру.

Внезапно в тишине раздался звук. Он был настолько тихим и чуждым этому мертвому месту, что Андрей сначала принял его за галлюцинацию. Это был шелест. Словно бумагу медленно протаскивали под дверь. Он резко обернулся, опустил взгляд. На полу, прямо у порога, лежал сложенный вдвое лист. Сердце колотилось где-то в горле. Он не слышал шагов, дверь не открывалась. Лист просто возник из ниоткуда, бесшумно преодолев законы физики и пространства. Дрожащими пальцами Андрей поднял его. Бумага была плотной, желтоватой, похожей на пергамент, но на ощупь гладкой и холодной, словно кусочек тонкого льда, который не таял в руках. Он развернул послание. Текст был напечатан на старой печатной машинке, буквы прыгали, оставляя глубокие вдавленные следы. «Андрей. Доброе утро. Ты находишься в Комплексе. В твоей памяти присутствует дефект, но это временно. Твоя задача на сегодня — пройти в комнату 217 до того, как сирена смолкнет. Не выходи в коридор, пока не услышишь первый сигнал. Второй сигнал означает конец смены. Если опоздаешь к началу работы, будет применен Штрафной Протокол. Не пытайся открыть окна».

Он перечитал текст трижды. Слова «дефект памяти» резанули глаз. Значит, они в курсе. Значит, так и было задумано. Но кто эти «они»? Что за Комплекс? Вместо страха, который должен был парализовать его после такого послания, внутри начал закипать гнев. Холодный, расчетливый гнев. Он ненавидел, когда им манипулировали. Андрей скомкал лист, намереваясь отшвырнуть его, но бумага в руке вдруг потеплела, а затем начала рассыпаться, истончаясь прямо в пальцах. Через секунду в ладони не осталось ничего, кроме мельчайшей серой пыли, которую он поспешно стряхнул. Запахло озоном. Это было демонстрацией силы. Ему показывали, что физические законы здесь — лишь условность. И это пугало гораздо сильнее запертых дверей.

Он вернулся к окну. Инстинкты бунтаря требовали действий. Если нельзя в коридор, надо искать другой путь. На окне не было решетки. Добротная деревянная рама, выкрашенная белой краской, кое-где облупившейся от времени. Внизу виднелись шпингалеты. Пальцы сами легли на металл. Холодный, чуть шершавый. В голове крутилась фраза из письма: «Не пытайся открыть окна». Это походило на приказ, который невозможно послушаться, но Андрей никогда не умел следовать чужим инструкциям. Он слегка надавил на створку, проверяя податливость, и в тот же миг комнату пронзил низкий, вибрирующий звук, который шел не снаружи, а, казалось, из самих стен. Стены загудели, а за стеклом, в гуще тумана, началось движение. Из белесой мглы проступили контуры. Это были не тени, а скорее сгустки тьмы, которые стремительно, словно хищные рыбы на свет, метнулись к его окну. Стекло запотело от его дыхания, и

сквозь эту влажную пелену он увидел прямо перед собой нечто лишенное четких очертаний, но полное жуткой, разумной осмысленности. Оно прильнуло к стеклу с той стороны, и у Андрея перехватило дыхание. Это не было лицо, но у него был взгляд. Тяжелый, оценивающий взгляд, от которого волосы встали дыбом на загривке. Существо не пыталось проникнуть внутрь, оно просто смотрело, давая понять, что граница охраняется. Андрей медленно, стараясь не делать резких движений, убрал руки от рамы. Гул стих. Темный сгусток растворился в тумане, оставив после себя лишь чувство ледяного ужаса, который медленно стекал по позвоночнику. Теперь он понял. Окна были не защитой от внешнего мира. Они были клеткой.

Время тянулось отвратительно медленно. Чтобы занять себя и подавить дрожь, Андрей принялся исследовать комнату. Это была камера, хоть и без решеток. Но даже в самой стерильной камере есть трещины. Он ощупывал стыки обоев, простукивал стены. Бетон. Глухой, монолитный бетон. Затем он занялся полом. Опустившись на четвереньки, он заметил то, что не увидел раньше из-за тусклого, словно бы рассеянного повсюду, но не имеющего источника, света. На одной из половиц, у самого изножья кровати, были царапины. Глубокие, хаотичные. Такие оставляет зверь, пытающийся вырыть лаз, но здесь это были следы человеческих ногтей. Кончики пальцев касались этих борозд. Кто-то скребся здесь, возможно, лежа на полу, в кромешной тьме, пытаясь вырваться. И у него ничего не вышло. Андрей резко выпрямился и пошел к столу, пытаясь сбросить липкое ощущение чужого отчаяния. В нижней части столешницы, почти незаметная, шла надпись, вырезанная чем-то острым. Почерк был прыгающий, нацарапанный в спешке: «Второй сигнал — ловушка. Беги до него. Они дышат за окнами. Смотри под ноги в 217-й». Эта надпись была гораздо старше записки. Она была вырезана смертником. Андрей почувствовал, как внутри все сжимается. Значит, здесь были и другие. И они пытались предупредить. Предупреждение противоречило инструкции. Инструкция велела ждать сигнала. Голос из прошлого кричал о ловушке. Кому верить? У него не было оружия, не было информации, только дикое желание жить, которое теперь било ключом, вытесняя апатию.

И тут он услышал. Сначала он подумал, что у него закладывает уши, как в самолете при резком снижении. Звук нарастал откуда-то из недр здания, низкий, воющий звук механической сирены. Он вибрировал в груди, заставляя зубы ныть. Первый сигнал. Дверь с тихим, хорошо смазанным механическим щелчком приоткрылась, являя черную щель коридора. Андрей замер в нерешительности лишь на долю секунды. Предупреждение незнакомца о том, что второй сигнал — это конец, стучало в висках. Он шагнул за порог. Коридор был длинным, бесконечным, с рядом одинаковых дверей по обе стороны, уходящих в перспективу, залитую тусклым желтоватым светом. Пахло той же гарью, но теперь к ней примешивался запах озона и чего-то химически-сладкого, как дешевый леденцовый сироп. Тишина здесь была иной — не мертвой, а напряженной, как натянутая струна. Андрей пошел, стараясь ступать бесшумно, но пол предательски скрипел. Он отсчитывал номера. Двери были пронумерованы: 213, 214... Некоторые из них были приоткрыты, и оттуда тянуло ледяным сквозняком и запахом сырой земли. Он старался не смотреть в эти черные щели, боясь увидеть то, что смотрит на него в ответ. 215-я дверь была распахнута настежь. Внутри горел яркий, слепящий свет, и доносился звук, похожий на помехи радиоприемника — шипение, потрескивание. Андрей ускорил шаг, почти переходя на бег.

Где-то в глубине коридора он услышал шаги. Они не были похожи на человеческие. Слишком тяжелые, шаркающие, с каким-то влажным причмокиванием. Звук отражался от стен, и было невозможно понять, спереди он или сзади. Сердце колотилось так, что, казалось, проломит ребра. 216... Нужная дверь показалась из полумрака. На ней красной краской были

намалеваны цифры 217. Ручка была липкой. Он нажал на нее плечом, ожидая чего угодно — ловушки, тупика, чудовища. Но дверь подалась легко. Андрей ввалился внутрь и с силой захлопнул ее за собой, прижавшись спиной к холодному дереву. Тяжелые шаги протопали мимо и стихли где-то в конце коридора.

Он перевел дух. В тот же миг в коридоре зазвучал второй сигнал сирены. Но теперь он звучал иначе — прерывисто, злорадно, и завершился сухим клацаньем множества дверных замков. Кто-то скребся в дверь его прошлой комнаты. Предупреждение не соврало. Он успел. Андрей позволил себе сползти по стене на пол, выравнивая дыхание. Но едва он поднял голову, чтобы осмотреться, как понял, что этот день еще далек от завершения. Комната 217 не была пустой. В центре пыльного кабинета, заставленного допотопными мониторами и мерцающими приборами, стояло офисное кресло на колесиках, и в нем, покачиваясь, сидел человек. Его лицо показалось Андрею смутно знакомым, но черты расплывались, как будто на лицо была наложена мутная, искажающая линза. Человек улыбался неестественно широкой, резиновой улыбкой, которая не затрагивала глаз. В руках он держал старую клавиатуру, и как только взгляд Андрея сфокусировался на нем, человек начал стучать по клавишам. Не глядя на экран. Буквы складывались в слова на мониторе, повернутом к Андрею: «Рад, что ты выбрал правильную дверь. Твоя смена начинается. Ты — Оператор Снов. Займи место».

Глава 2. Частота одиночества

Человек в кресле не двигался, но его пальцы продолжали бегать по клавишам, выбивая сухую, механическую дробь. Андрей стоял, прижавшись спиной к двери, и смотрел на монитор, где слова всё ещё горели ровным зеленым светом. «Ты — Оператор Снов. Займи место». Буквы не мигали, не исчезали, они словно впились в экран, став частью его структуры. Человек медленно, рывками, повернул голову к Андрею, и тот почувствовал, как к горлу подступает тошнотворный ком. Лицо сидящего было знакомым, до жути знакомым, но Андрей никак не мог поймать ускользающее воспоминание. Ему казалось, что он смотрит на старого знакомого, имя которого стерто ластиком из его памяти, или на актера из забытого фильма, чьи черты стали частью коллективного бессознательного. Улыбка не исчезала, она была приклеена к лицу, как маска, которую забыли снять после карнавала. Глаза же оставались пустыми, словно за ними не было никакой личности, только бесконечная, застывшая пустота, отражающая свет мониторов.

Андрей не шевелился. Инструкция требовала занять место, но каждое волокно его существа кричало о том, что подчиняться нельзя. Подчинение — это первый шаг к тому, чтобы стать таким же. Он перевел взгляд на помещение, пытаясь найти хоть что-то, что дало бы ему преимущество. Комната 217 оказалась гораздо больше, чем его прежняя камера. Это был зал, заставленный оборудованием, назначение которого он не мог определить. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи, уставленные мониторами, некоторые из них были разбиты, другие светились ровным, болезненным светом. Провода, толстые и тонкие, переплетались на полу, словно корни больного дерева, образуя опасные петли, за которые легко запнуться. Воздух был тяжелым, насыщенным запахом пыли, нагретого металла и того же сладковатого химического аромата, который преследовал его с момента пробуждения. Где-то в глубине зала, скрытое полумраком, гудело нечто массивное, издающее низкий, утробный звук, от которого вибрировали пломбы в зубах.

Человек в кресле перестал печатать. Его руки замерли над клавишами, и в наступившей тишине стало слышно, как потрескивают электрические разряды в проводах и как где-

то далеко, за стенами Комплекса, воеет ветер. Он поднялся. Движение было неестественным, лишенным плавности, словно тело было марионеткой, которую дергают за невидимые нити. Андрей напрягся, готовый к нападению, но человек не двинулся к нему. Вместо этого он отступил на шаг в сторону, освобождая проход ко второму креслу, стоящему перед панелью с десятками кнопок и рычагов. Жест был приглашающим, почти вежливым, но от этой вежливости веяло могильным холодом. «Займи место», — снова пронеслось в голове Андрея, но голос был не его собственный, а чужой, вложенный в сознание извне.

Он отлепился от двери и сделал шаг вглубь комнаты. Пол под ногами был липким, как будто его не мыли годами, а может, и десятилетиями. Каждый шаг отдавался чавкающим звуком. Андрей приблизился к панели управления, стараясь держаться на максимальном расстоянии от странного человека. Теперь он мог разглядеть его лучше. Одежда на нем была такой же безликой, как и на самом Андрее, но висела мешком, словно человек резко похудел или его тело усыхало, теряя человеческие пропорции. Кожа имела сероватый оттенок, а пальцы, все еще зависшие над клавишами, были неестественно длинными, с пожелтевшими, утолщенными ногтями. От него не исходило запаха. Ни пота, ни дыхания, ни чего-либо, что указывало бы на жизнь. Только сухое тепло, как от работающего электроприбора.

Андрей опустился в кресло. Сиденье было холодным, продавленным тысячами предыдущих тел. Перед ним находился пульт, усеянный тумблерами, круглыми ручками настройки и одним большим экраном, который пока был погашен. В центре пульта лежали наушники — тяжелые, обтянутые потрескавшимся кожаменителем, с толстым витым проводом, уходящим в недра стола. Все это напоминало оборудование для прослушивания, древнее, оставшееся с тех времен, когда шпионы сидели в бункерах и ловили сигналы вражеских передатчиков. Но Андрей чувствовал, что здесь нет никакой романтики холодной войны. Здесь было что-то другое, более глубокое и страшное.

Человек, стоящий рядом, поднял руку и указал на наушники. Жест был категоричным, не терпящим возражений. Андрей колебался. Если он наденет их, что он услышит? Голоса? Помехи? Приказы, которые окончательно превратят его в послушную марионетку? С другой стороны, у него не было выбора. Информация — это единственное оружие в этом месте, и чтобы получить её, нужно рискнуть. Он медленно поднял наушники. Амбюшюры были влажными на ощупь, как будто предыдущий оператор покинул свой пост всего минуту назад. Подавив брезгливость, Андрей надел их.

Первой была тишина. Абсолютная, вакуумная тишина, которая показалась ему громче любого крика. Она давила на барабанные перепонки, высасывая из головы остатки мыслей. Затем сквозь эту пустоту начал просачиваться шум. Он напоминал радиопомехи — шипение, треск, обрывки далеких мелодий, искаженных до неузнаваемости. Андрей зажмурился, пытаясь сконцентрироваться, и вдруг понял, что слышит не радиоволны. Он слышал мысли. Нет, не мысли в привычном понимании, не внутренний монолог. Это был поток образов, эмоций и ощущений. Он слышал, как где-то женщина плачет о потерянном ребенке, чувствуя вкус соленых слез и пустоту в груди. Он слышал мужчину, который смотрел в зеркало и видел там старика, не узнавая собственного лица. Он слышал страх, такой концентрированный и липкий, что дыхание перехватило. Это был страх человека, который идет по темной улице и слышит за спиной чужие шаги.

Картинки сменяли друг друга, как слайды в проекторе. Он видел спальню, залитую лунным светом, и фигуру, склонившуюся над кроватью. Он чувствовал запах лекарств и мокрой

шерсти. Он был одновременно везде и нигде, его сознание размазывалось по эфиру, теряя границы собственного «я». Андрей вцепился в подлокотники кресла, пытаясь удержаться в реальности, но его затягивало все глубже. Он понял, в чем заключается работа Оператора Снов. Они не просто слушали. Они транслировали. Они были ретрансляторами кошмаров. Где-то в мире, там, за стенами Комплекса, жили обычные люди, которые ложились спать и видели сны. Но эти сны не были случайной игрой подсознания. Кто-то программировал их. Кто-то выбирал, кому сегодня приснится выпадение зубов, а кому — падение в бездну. И этот кто-то сидел сейчас в продавленном кресле с наушниками на голове.

Руки сами потянулись к тумблерам. Он не знал, как ими управлять, но пальцы двигались с пугающей уверенностью. Это было похоже на мышечную память, на навык, который вбили в него до того, как стерли воспоминания. Он повернул одну из ручек, и плачущая женщина затихла, сменившись другим сигналом. Молодой парень, студент, дрожащий перед экзаменом. Андрей нажал на кнопку, и в сознание парня начала вливаться волна тревоги, густая, как нефть. Он мог усиливать её, делать гуще, насыщеннее, добавлять новые оттенки — страх позора, ненависть к себе, желание провалиться сквозь землю. Он видел результат: парень ворочался во сне, его сердце бешено колотилось, на лбу выступал холодный пот. Это было отвратительно и захватывающе одновременно. Андрей почувствовал тошнотворный прилив могущества, но вместе с ним и безграничное отвращение к самому себе.

Он отдернул руки от пульта, как от раскаленной плиты. Что он делает? Зачем? С какой целью нужно мучить незнакомых людей? Он посмотрел на своего напарника. Тот стоял, наклонив голову набок, и следил за ним с выражением холодного удовлетворения на восковом лице. Человек поднял руку и постучал себя по запястью, где должны были быть часы. Жест был понятен без слов: время идет, смена не ждет. Но Андрей не мог просто сидеть и пытать людей. Он должен был понять систему, чтобы сломать её. Он снова взялся за настройку, но теперь действовал осторожно, как сапер на минном поле. Он прошупывал эфир, пытаясь уловить структуру сигналов. Кошмары были лишь одним из каналов, самой мощной и грязной частотой. Он крутил ручку дальше, уходя в более высокие слои ментального поля. Там было спокойнее. Там были сны-воспоминания, сны-фантазии, сны-очищения. Но они были заглушены, задавлены мощным потоком негатива, который генерировал Комплекс.

Андрей заметил, что его напарник перестал двигаться. Он застыл, уставившись в одну точку на стене, и его резиновая улыбка медленно сползла с лица, сменившись выражением крайней сосредоточенности. Андрей проследил за его взглядом. На стене висел большой динамик, из которого до этого не доносилось ни звука. Теперь же оттуда пошло легкое шипение, предвещающее важное сообщение. Где-то в глубине Комплекса просыпался Главный Узел. Андрей инстинктивно пригнул голову, ожидая громкого окрика или приказа. Но динамик молчал. Вместо этого один из мониторов на стене мигнул и показал изображение, от которого кровь застыла в жилах.

Это был коридор. Тот самый коридор, по которому он бежал десять минут назад. Камера смотрела на дверь его комнаты, номер 214. Дверь была открыта настежь. Внутри горел свет. И из двери медленно выходил человек. Андрей не мог разглядеть его лица из-за плохого качества картинки, но фигура, одежда, походка — всё было до боли знакомым. Это был он сам. Его двойник. Двойник остановился посреди коридора, повернул голову и посмотрел прямо в камеру. Андрею показалось, что они встретились взглядами. Губы двойника растянулись в улыбке, той самой жуткой, ненастоящей улыбке, которая была у его напарника. Затем он поднял руку и помахал в объектив. Привет, Андрей. Добро пожаловать в систему.

Андрей сорвал с головы наушники и вскочил с кресла. Его трясло. Он перевел взгляд на своего напарника, ожидая нападения, но тот стоял все так же неподвижно, только теперь его улыбка вернулась на место, став еще шире и страшнее. Андрей понял: его не заставляют работать. Ему показывают цену непослушания. Если он откажется быть шестеренкой, если решит проявить свою свободную творческую личность в саботаже, его заменят. Буквально. Где-то в подвалах Комплекса хранятся копии. Или не в подвалах, а в том тумане за окном. Как только Оператор выходит из строя, его место занимает дубль, лишенный воли и сомнений. Истинная работа Комплекса была не в генерации кошмаров для внешнего мира. Это был лишь фасад, побочный продукт. Главной целью была переработка человеческих душ в послушные детали, в идеальные винтики без прошлого и будущего. Тела были лишь расходным материалом.

Андрей медленно сел обратно в кресло. Руки дрожали, но он снова надел наушники. Нет, он не собирался становиться примерным сотрудником. Он собирался использовать систему против неё самой. Если его сознание способно влиять на сны других, значит, он может найти того, кто управляет самим Комплексом. Он начнет копать. Он найдет частоту, на которой спит Главный Узел, и тогда он ворвется в его кошмар. Он заставит его проснуться в холодном поту. Он закрыл глаза и положил пальцы на холодные ручки настройки. Игра началась. Пусть они думают, что поймали очередную сломанную душу. Они еще не знали, что в их идеальный механизм попала песчинка, готовая превратиться в бурю.

Глава 3. Частота тишины

Андрей сидел в кресле, чувствуя, как холод металлических наушников медленно становится частью его собственного тела. Звуки чужого страха, которые только что захлестывали его сознание, отступили на периферию, превратились в далекий, почти неслышимый гул, похожий на шум моря в раковине. Он перестал быть слушателем. Он стал охотником. Пальцы, еще минуту назад дрожавшие от омерзения к самому себе, теперь обрели стальную твердость. Он отключил каналы кошмаров один за другим, не обращая внимания на то, как его напарник медленно поворачивает голову, скрипя шейными позвонками, словно ржавыми петлями. Пусть смотрит. Пусть докладывает. Если они хотели послушного оператора, они получат нечто гораздо более интересное. Они получат хакера собственного сознания.

Закрыв глаза, Андрей погрузился в темноту. Но это не была пустота. Эфир представлял собой бескрайний океан вибраций, где каждая мысль имела свой цвет и вкус. Кошмары были кислотно-зелеными, вязкими, с привкусом желчи. Они лежали на поверхности, их было легко поймать и усилить. Но то, что искал Андрей, находилось гораздо глубже, под толщей человеческих страданий, в тех слоях, куда рядовым операторам вход был запрещен. Он искал частоту, на которой транслировалась воля самого Комплекса. Должен же быть сигнал, идущий от мозга этого чудовищного организма, команды, расходящиеся по нервным окончаниям коридоров и камер. Он медленно вращал ручку настройки, отсекая поверхностный шум. Мимо проплывали обрывки чужих снов: женщина, собирающая рассыпавшиеся бусы; ребенок, рисующий мелом на асфальте солнце с одиннадцатью лучами; старик, пытающийся вспомнить мелодию, которую слышал в молодости. Это были чистые, нетронутые частоты, и Андрей старался не задерживаться на них, чтобы не выдать себя.

Его напарник издал горловой звук. Это было не слово, а скорее механический скрежет, запрос, посланный в пустоту. Андрей понял, что тот чувствует изменение в эфире. Комнатные мониторы, которые до этого транслировали показатели сна абонентов, начали мерцать, показы-

вая хаотичную синусоиду. Андрей действовал быстро. Он выкрутил фильтр низких частот до предела, ныряя в инфразвуковую бездну, куда обычный человеческий разум не мог проникнуть без риска разрушения. Давление на барабанные перепонки стало невыносимым, перед закрытыми веками заплясали багровые пятна, в висках застучала кровь, но он продолжал погружение. И вдруг шум исчез. Он попал в зону абсолютного радиомолчания. Это было страшнее, чем крики. В этом вакууме было что-то живое, что-то громадное и спящее, чье дыхание ощущалось не слухом, а всем существом сразу.

Он нашел его. Главный Узел не был человеком. Это было сознание, растворенное в самом здании, разлитое по кабелям и трубам, как кровь по венам. Андрей увидел его структуру — она напоминала корневую систему исполинского дерева, уходящую вглубь земли, оплетающую фундамент реальности. Чтобы понять, как работает этот организм, нужно было войти в него, но сделать это незаметно, притворившись частью системы. Андрей сконцентрировался на своем дыхании, замедляя сердечный ритм. Он представил себя не человеком, а одной из программ, безобидным диагностическим алгоритмом, который просто проверяет целостность сети. Этот трюк срабатывал в старых фильмах про хакеров, но здесь, в ментальном поле, ставки были несоизмеримо выше. Он потянулся к корневому стволу и осторожно, словно касаясь оголенного провода, присоединился к потоку данных.

Информация обрушилась на него ураганом. Это была не просто боль, это была тотальная перегрузка. Он увидел всё. Он увидел тысячи таких же комнат, как его собственная, разбросанных по этажам бесконечного здания. Он увидел операторов, сидящих в креслах, их пустые глаза, их руки, автоматическидвигающие рычаги. Он увидел питомники, где в чанах с мутной жидкостью выращивались дубликаты, их лица были лишены индивидуальности, как болванки для манекенов. Он увидел источник тумана — огромные решетки на нижних ярусах, откуда в мир выходил отработанный материал, сгустки страха и отчаяния, материализовавшиеся в виде холодной мглы. Комплекс не просто производил кошмары, он питался ими. Это была фабрика эмоций, гигантская ферма по сбору негативной энергии, которая затем по кабелям уходила куда-то в центр, к ядру, которое Андрей пока не мог разглядеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.